

УДК 94(47).073

В.П. Пушков¹

«Портретная галерея» верхокамских рекрутов 1738 г.

Рекрутские наборы; антропометрия и описание внешности.

Списки рекрутских новобранцев с указанием их возраста, роста и описанием основных портретных черт (лица, носа; цвета глаз, волос, бровей и особых примет) дают достоверное представление о внешнем облике мужского населения Верхокамья первой трети XVIII в.

Установленная Петром I в 1705 г. и действовавшая более полутора столетия вплоть до начала военной реформы 1874 г. рекрутская

---

¹ Пушков Виктор Петрович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., pushkov@wwwcom.ru.

система комплектования русской армии и флота (рекрутчина) в полной мере затронула и Пермские вотчины Строгановых, где в первой четверти XVIII в. отдача крепостных крестьян в «салдаты» сопровождалась постоянными злоупотреблениями со стороны вотчинной администрации, но в результате инспекционной поездки в Обвинское поречье в конце 1724 – начале 1725 г. барона Н.Гр. Строганова в этой важной сфере сельской жизни был наведен относительный порядок [2, с. 26–43], который был официально закреплён им в известной вотчинной инструкции 1725 г. Вместо варварских способов отдачи рекрутов устанавливалась вполне цивилизованная система, тогда как до того нередко представители вотчинной администрации («домовые люди»), исходя из своей «корысти», «хватали» в рекруты совсем не тех, кого следовало, причём такие акции порой сопровождались даже перестрелкой из ружей и луков, «а иные топорами секли и ножами резали». Кроме того, бывали и случаи отправки в столицы больных людей, которых потом приходилось заменять здоровыми, что вело к «напрасным великим убыткам». Посему § 16 инструкции повелевал для определения рекрутов собрать всех «земских людей» (представителей выборного крестьянского самоуправления) в земскую избу. Выбранный таким общим советом человек передавался в арест специальным караульщикам. При этом приказчикам надлежало отдавать в рекруты прежде всего беспашотных и не имевших каких-либо промыслов людей, а также склонных к «гульбе» крестьян, от которых никому не было никакой пользы («благонадёжия»). Таким образом, упорядочение отбора рекрутов способствовало и своеобразной зачистке вотчины от нежелательных с точки зрения помещиков элементов [6, с. 163], в том числе и беглых людей². С другой стороны, известен факт, когда в 1721 г., чтобы скрыть беглого крестьянина Ивана Михайлева от глаз предстоящей переписи, он «по выбору мирскому послан был за помещичими беглыми крестьяны и за салдатами до Москвы в провожатых»³. О размерах рекрутской повинности по Верхокамью между первыми двумя ревизиями можно судить по данным Карагайского прихода, где за 24 года (1722–1745) 27 селений из 38 всего отдали в рекруты 65 человек (в том числе в разные годы из деревни Сепычевской от 1 до 9). По Зукайскому же «ведомству» в эти годы 14 поселков из 36 поставили 24 рекрута (в том числе 4 из деревни Лопатиной).

---

² См.: РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3319. Л. 33 об., 79 об.

³ Там же. Л. 26 об.

Наиболее массовым источником с описанием внешности людей XVIII–XIX вв. следует признать первичные рекрутские списки, содержащие сведения о возрасте, телосложении и особых приметах сотен тысяч новобранцев русской армии того времени. Поскольку эти документы фиксировали и место призыва рекрутов (вплоть до отдельных деревень и починков), то открывается перспектива построения баз данных, которые позволят на разных уровнях административно-территориального устройства выявить и сравнить описание внешности представителей элитного генофонда популяции, результаты которых вполне корректно экстраполируются и на всю генеральную совокупность (волость, уезд и т.д.). Аналогичные исследования в одном и том же месте через определенные временные интервалы (20–25 лет) позволят выявить некоторые тренды в антропометрии и внешности новобранцев.

В 1738 г. по разрядке находившейся в городе Кунгуре Пермской провинциальной канцелярии Пермские вотчины баронов Строгановых для нужд «морского флота» обязывались поставить 120 рекрутов, которые вместе с их именованным списком 6 сентября (скорее всего, в селе Рождественском) и были переданы отставному боцману Петру Ерьеву для отправки их в Кунгур. В «новый набор» попали молодые мужчины из ведомств сел Ильинского, Зукайского, Карагайского, Кызвенского (Николаевского) и др. Всем рекрутам этого набора полагалось по 50 коп. «денежного жалованья», которые, видимо, выдавались Пермской провинциальной канцелярией для личного обихода новобранцев (помимо казенного обеспечения питанием и транспортом)⁴. Каждый человек в этом списке описывался следующим образом:

«Села Кызвы. Савин Самойлов сын Безгодов, двадцати одного году возрастом, дву аршин шести вершков без чети, волосом светлорус, лицом чист, нос при конце широк, глаза серые, брови русые. З дороги бежал»⁵ (последняя помета на левом поле документа хорошо передает отношение новобранцев к военной службе). По данным 35 аналогичных описаний была построена таблица, позволившая составить коллективный портрет молодых верхокамцев⁶.

Итак, в 1738 г. рекрутские приемщики описывали внешние дан-

---

⁴ Там же. Ф. 439 (Пермская провинциальная канцелярия в городе Кунгуре). Оп. 1. Д. 1. Л. 794.

⁵ Там же. Л. 784.

⁶ Там же. Л. 755, 56, 756 об., 763 (Ильинское), 773, 773 об., 777, 777 об., 784 об., 785 об., 787 об.

ные будущих матросов по восьми признакам: возраст, рост, цвет глаз, волос и бровей, форма лица, губ и носа, по которым вырисовывается следующий коллективный портрет (видимо, по молодости лет нет описания усов и бороды).

Наиболее полно в этой выборке были представлены карагайцы и кызвенцы (соответственно 15 и 11 человек) при скромном числе сепычан и зукайцев (2 и 1 рекрут) и без указания местожительства оказалось 4 человека. Об отрицательном отношении новобранцев к военной службе свидетельствует факт бегства по пути в Кунгур почти трети рекрутов (11 человек из 35). В XIX в. внеочередная отдача в рекруты будет широко использоваться вотчинной администрацией Пермского имения в качестве сурового наказания неугодных элементов и прежде всего старообрядцев [4, с. 40–49]. Дорога на Кунгур как раз проходила через Сепыч и д. Ереминскую и позже сепычевцы жаловались графу С.Гр. Строганову на ущерб от прохождения через их поселки с 1823 г. «рекрутских партий»⁷.

Поскольку в эти годы (с 1727 по 1760 г.) местные власти имели право отдавать в рекруты молодых людей любых лет [1, с. 194], то возраст верхокамских призывников изменялся в довольно широком диапазоне – от 17 до 30 лет при среднем уровне в 20,5 и модальном значении в 18 лет (14 человек). По сравнению с современными параметрами (175 см) поражает низкорослость новобранцев того времени, колебавшаяся от 2 аршин и 2,5 вершков до 2 аршин и 5,75 вершка (у сбежавшего с дороги кызвенца Савина Безгодова), или от 155,2 до 169,9 см (считая в 1 аршине 72 см, а в одном вершке 4,5 см), т.е. разброс составил всего лишь 3,25 вершка, или 14,6 см, при среднем росте в 160,9 см. По шести градациям цвета волос на голове (у 28 человек из 35) однозначное первенство было за четырьмя оттенками русого цвета, из которых ровно половина (14 человек) пришлась на «русых», которым заметно уступали 9 «светлорусых», 4 «тёмнорусых» и один рекрут был «белорус». Чистые же брюнеты и блондины встречались нечасто (соответственно 3 раза «чёрен» и 4 раза «бел»). По цвету бровей также полностью превалировали «русые» (23 случая и два раза «светлорусые»), которым заметно уступали «белые» и «чёрные» брови (по 4 человека), и только один 22-летний зукаец Михайло Неволин оказался с карими бровями.

Так как термин «чист лицом» отдельно и в сочетании с другими портретными характеристиками встречается при описании абсолют-

---

⁷ Там же. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 4686. Л. 10.

ного большинства верхокамских призывников (у 25 человек, в том числе просто «чист» у 10), а слово «губаст» отдельно или в связке с другими используется 19 раз (в том числе «чист и губаст» 11 раз), то наиболее типичной чертой внешнего облика верхокамцев следует признать толстые губы на лице правильной формы. Вариациями этих двух основных портретных характеристик выступали следующие сочетания: «чист и смугл» – 2 раза, «бел и чист», «бел и губаст» (по 1) и «с угриками, губаст», «чист, сух, губаст» (также по 1 разу). Единственным исключением без определения «чист» или «губаст» был бежавший с дороги 20-летний карагаец Иван Дурбажев «с рябинками». У каждого пятого рекрута на лице были какие-то особые приметы – бородавки, пятна, рубцы, «татка» и др. Форма носа имела два основных типа – толстый короткий и длинный тонкий, причем первый из них встречался вдвое чаще (у 20 человек против 9). Основными вариациями в группе лидеров были «нос трубой» и «широконос» – соответственно 7 и 6 раз, при этом среди последних 4 раза отмечался нос «широк при конце». Кроме того, был нос «велик и широк», «немал», «большеност», «толст» и др. Среди же длинноносых оказалось 5 «остроносых» и 4 «долгоносых». В единственном числе остались только «тупой нос» и «хлюпонос». Наиболее очевидно и понятно новобранцы квалифицировались по цвету глаз, 2/3 которых были сероглазыми, 6 – с карими, 5 – с черными глазами, и лишь один Василий Печёнкин был светлоглазым. Таким образом, наиболее типичный молодой верхокамец конца 1730-х гг. был ростом 161 см, с правильными чертами лица, сероглазым, русоголовым и русобровым, с толстыми губами и большим широким носом, а бежавшие с дороги рекруты были несколько старше и выше общего их уровня (соответственно 22 года и 161,5 см). Среди рекрутов 1738 г. встречаются представители таких известных верхокамских крестьянских родов, как Безгодовы, Мальцовы, Мелехины, Мокрушины и др., однако преобладают малоизвестные фамилии. По совпадению в том же 1738 г. (11 декабря) был издан указ и о сборе рекрутов со старообрядцев, которые несмотря на то, что платили двойной подушный оклад, обязывались поставлять одного рекрута с 50 ревизских душ и одну драгунскую лошадь со 100 душ [5, с. 142].

Другой массовой разновидностью описания словесного портрета (помимо судебно-следственных дел) для XVIII в. являются выдававшиеся на определенное время городскими канцеляриями с согласия помещиков «покормежные письма» (увольнительные свидетельства), оформлявшие временные отлучки крепостных на сторонние зара-

ботки. Скорее всего, за таким «письмом» в 1724 г. ездил к своему помещику в Белозерский уезд осевший в Обвинском поречье беглый крестьянин Алексей Хмелевский⁸. А бежавший от рекрутчины в 1741 г. уроженец села Павлова Вохонской волости Московского уезда старообрядец Михаил Афонин был арестован в 1750 г. в Верхотурье по подозрению в подложности такого документа, который позволяет сравнить облик верхокамцев с их московским «коллегой» [3, с. 38–46]. С середины XIX в. в вотчинном правлении Пермского майората Строгановых велись целые книги с описанием внешности отпускавшихся по «билетам» на сроковые отхожие заработки крестьян (в том числе и женщин), которые будут рассмотрены на следующих Чтениях.

1. *Краснов В., Дайнес В.* Русский военно-исторический словарь. М., 2001.
2. *Пушков В.П.* Крестьянство Верхокамья по материалам «Следствия» баронов Строгановых 1725 г. // Материалы к истории старообрядчества Верхокамья. (По итогам комплексных археографических экспедиций исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова). М., 2013.
3. *Пушков В.П.* От Вохны до Верхотурья: путь старовера Михаила Афонина в середине XVIII века // Гуслицкие чтения. М., 2012. Вып. 4.
4. *Пушков В.П.* О холостом состоянии молодых старообрядцев (социологический опрос 1847 г. вотчинной администрации Пермского майората Строгановых) // Старообрядчество: История, культура, современность. М., 2014. Т. 1.
5. Старообрядчество: светское и церковное законодательство. XVII – XVIII вв. Арзамас, 2001.
6. *Устюгов Н.В.* Инструкция вотчинному приказчику первой четверти XVIII в. // Исторический архив. 1949. Т. 4.

---

⁸ Там же. Д. 3319. Л. 21, 21 об.